

АНРИ ГУССЕ

ЗНАМЕНИТЫЕ

КУРТИЗАНКИ ДРЕВНИХ

ВЕКОВ. АСПАЗИЯ.

КЛЕОПАТРА. ФЕОДОРА

Анри Гуссе

**Знаменитые куртизанки
древних веков. Аспазия.
Клеопатра. Феодора**

«Остеон-Групп»

Гуссе А.

Знаменитые куртизанки древних веков. Аспазия. Клеопатра.
Феодора / А. Гуссе — «Остеон-Групп» ,

Из множества женщин проходивших в истории древнего мира в качестве спутниц великих деятелей того времени, автор избрал избрал всего три имени, но каких! Это Аспазия – верная спутница афинского законодателя и полководца Перикла; Клеопатра – ниспровергательница канонов и избранница Цезаря и Антония, и Феодора – женщина из низов, превратившаяся в повелительницу половины мира. Язык не поворачивается назвать этих женщин распутными, хотя в известной свободе нравов они себе не отказывали. Однако величия и гордости им было не занимать. Автор не стал собирать все грязные сплетни, которые обросли эти имена за двадцать веков, пока они живы в памяти человечества. Напротив, он весьма придирчиво относится к источникам, рассматривает мотивы, двигавшие мемуаристами и пытается до читателя истинные литературные портреты во всех их первозданности.

Содержание

От автора	6
I. Аспазия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анри Гуссэ
ЗНАМЕНИТЫЕ КУРТИЗАНКИ
ДРЕВНИХ ВЕКОВ

Аспазия. Клеопатра. Феодора

© Л. И. Моргун, Литературная обработка и редактирование текста. 2015.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, 2015

ISBN 978-5-85689-029-6

От автора

Аспазия, Клеопатра и Феодора составляют триаду великих женщин любви древнего мира. Мы старались изобразить знаменитую гетеру, царицу-куртизанку и куртизанку-императрицу среди обществ и цивилизаций, которые они характеризуют и отражают. Вместе с Аспазией мы видим Афины в полном расцвете их бессмертного гения и неограниченную свободу их ревнивой, недоверчивой демократии. Клеопатра соприкасается с двумя мирами. По своим предкам, она принадлежит греко-египетскому миру Александрии, расслабленной богатством, роскошью и распутством и обреченной на гибель своей тщеславной и развратной царицей. Но по своим любовникам она принадлежит к римскому миру, потерявшему свои древние преимущества в соприкосновении с поработченными народами, но сохранившему, несмотря на свою испорченность и кровавые драмы, гордость своего имени, непоколебимую твердость и неукротимую силу. Феодора – царица Византии той эпохи, когда она находилась в развитии своего военного могущества, порядка управления и народного богатства; в ту пору процветание искусств маскировало еще зародыши разрушения этой слишком обширной империи, состоявшей притом из элементов разрозненных, управляемой, под ширмой римских законов, восточным деспотизмом; народ, в ту эпоху увлекался единственно только скачками на ипподроме.

Каждая из этих трех женщин как бы соответствует известному моменту в развитии цивилизации, имеющей своим фокусом Афины – во время Перикла, Александрию и Рим – в эпоху Цезаря и Византию – в царствование Юстиниана.

Автор

І. Аспазия

І

Самое имя Аспазия означает «любимая» и ласкает ухо, как эхо длинного поцелуя; оно вызывает в нашей памяти воспоминание Древнего мира в его лучший период, в эпоху лучезарного расцвета греческого гения. Афины в V-м веке представляются нам блестящими, жизнерадостными, шумными, в полном движении и работе.

... Вот на Акрополисе партия рабочих, под руководством Иктина, Мнестикла и Калликрата, оканчивают Пропилеи [Предхрамие – *ред.*] и принимаются за Эрехтенон. Фидий последними взмахами резца заканчивает восточный фронтон Парфенона, между тем как Полигнот и Пененос пишут фрески на портике. Аплодисменты, крики удивления, взрывы смеха тридцати тысяч зрителей раздаются в театре Вакха: там идут трагедии Софокла и Еврипида, дают комедии Кратина и Ферократа. В Одеоне, архитектурное расположение которого напоминает палатку Ксеркса и где балками служат мачты персидских трехбаночных галер, добытых при Саламине, в Одеоне соревнование поэзии с музыкой чередуется с публичными чтениями Геродота, излагающего первые книги своей Истории... Вот отряд гоплитов, возвращающихся с маневров, встречается на улице Гермеса с вереницей девушек, идущих черпать очистительную воду в фонтане Каллирхоэ.

Между тем как печальный кортеж одного из последних участников Марафонской битвы направляется к Дипильским воротам, отряд молодых людей, между которыми видны Аристофан, Фразибул, Конон, проходит вблизи Пританеи: периполарх, предводительствующий отрядом, подводит их к престолу Агролы для того, чтобы они принесли здесь гражданскую клятву.

...Агора [Базарная площадь] еще несколько минут тому назад была наполнена любопытными, которые останавливались перед лавочками продавцов и на пороге, там, где рассуждает Сократ и где обличает Тимон. Теперь площадь пустынна. После провозглашения герольда и приближения стрелков, граждане бегут в Пникс слушать Фукидида, сына Мелезия, и Перикла, сына Ксантиппа. Несколько часов позже толпа теснится на набережных Пирея; работающие на верфях прерывают свою работу, матросы коммерческих судов прекращают выгрузку бурдюков с хиосским и лесбосским винами, малоазиатских тканей, понт-эхинского дегтя, еврейской ржи; они прерывают нагрузку кож, глиняной посуды, духов, масла, меда и фиников. Они поднимаются на палубу, взбираются на веретено якорей... Но вот картина достойная того, чтобы ею залюбоваться: это – победоносная эскадра, возвращающаяся в военный порт.

Наступает вечер, солнце прячется за Эгалеийской горой, бросая на горы Аттики красные и лиловые лучи. Группы рабов уходят из заводов и мастерских. Протагор, Зенон, Дамон отпускают своих учеников; Антифон зажигает лампу для ночной работы; астроном Метон начинает свои наблюдения. Диктериады держа во рту веточку мирты, показываются на пороге своих домов; молодые евпатриды, защитники и игральщицы на флейтах нахлынули в Керамические сады. Алкивиад, голова которого украшена фиалками и золотистыми кобылками, волочит по земле омофор и проходит через середину агоры; он зван на ужин, конец которого предвидится к восходу солнца. Перикл, приветствовавший в тот же день народ в Пниксе, председательствовал в военном совете, перерабатывал с градоправителями и казначеями проект бюджета и теперь возвращается домой. Аспазия здесь: она ведет философские разговоры с Анаксагором, говорит о нравственных вопросах с Сократом, рассуждает о политике с Хариносом, о гигиене с Гиппократом, об эстетике с Фидием. Перикл целует ее в лоб, как он делает каждый день: утром – уходя, и вечером – возвращаясь домой.

Аспазия – "Юнона Перикла Олимпийца." Она царствует в Афинах своею красотою и умом. Женский терем она превращает в светскую гостиную. Аспазия имеет свой двор в этой демократической стране; она пользуется полною свободою в этом городе, законы и нравы которого навязывают женщине постоянную опеку; Аспазия заботится об этой столице, хотя сама она в ней иностранка.

II

Такова Аспазия в воспоминании или, вернее, такую она обрисовывается в нашем воображении. Как только начать более точно останавливаться на чертах этой женщины для того, чтобы перенести ее из области грёз в сферу реальной жизни – она теряет свой колорит, бледнеет, исчезает. Неверный портрет скрывает идеальное видение. Как личность историческая, Аспазия побуждает к исследованию, но не поддается анализу. Она остается в неопределенности, и ее надо в ней оставить, так как только тогда ее можно узнать. Всякое исследование, в котором старались бы выяснять ее жизнь последовательным образом, определить ее характер, выяснить ее философские и нравственные воззрения, всякое такое исследование противоречило бы истине. Равным образом нельзя определить род ее красоты. Предание не говорит об этом ничего, и попытки живописи и скульптуры изобразить Аспазию, наверно, вполне неудачны. Всякому предоставляется право воображать себе Аспазию, как самую красивую из парфянских корзиноносиц или как самую грациозную из женщин-веерниц подземного кладбища в Танагре [Бюсты Аспазии в Лувре и Берлине далеко не достоверные. Бюст, находящийся в Ватикане, – в духе греко-римского искусства и, вероятно, был сделан по заказу какого-либо богатого римлянина для украшения своей библиотеки. Слава Аспазии, как женщины-философа, подтверждается тем, что бюсты ее находятся среди бюстов Пифагора и Антистена.

Гроновий, в первом томе своих *Antiquités fresques* (стр. 83) дает другой псевдо-портрет Аспазии. Это камень, на котором представлена афинянка в шлеме, с надписью Ασπασιον. Но вряд ли какому-нибудь греку пришла бы мысль изобразить Аспазию афинянкой: что же касается надписи, то она обозначает, вероятно, просто имя гравера, Аспазиса или Аспазоса, о котором говорится у Sullug'a (*Catalog. Artific.* p. 100). – прим. автора].

Свидетельства, оставленные древностью относительно Аспазии, совершенно противоречат друг другу. Если верить приверженцам школы Бомуса и их толкователям, а частью и самому Плутарху, то Аспазия была простая гетера, немного более интеллигентная, несколько более ученая, способная и слегка лицемернее, чем другие гетеры. Сначала она была куртизанкой в Милете, потом куртизанкой в Мегарах, затем пришла в Афины и познакомилась с Периклом. Она обольстила его теми средствами, которыми обольщают мужчин подобные ей гетеры. "Распутство, - говорит поэт Кратинус, – создало для Перикла Юнону-Аспазию, его защитницу с глазами собаки".

Когда Аспазия увидела, что начинает стариться и стала опасаться, что начинает приедаться Периклу, она занялась старым ремеслом. Она приглашала в свой дом куртизанок, свободных и рабынь и даже замужних женщин для того, чтобы познакомить их с своим другом. Своею любезностью Аспазия приобрела неограниченную власть над Периклом, разорила его незаметно для него самого, посоветовала ему предпринять две войны и заставила его пожертвовать благом государства и покоем Греции для частных интересов и личной вражды.

Согласно другим свидетельствам, указываемым и распространенным новейшими защитниками Аспазии, эта знаменитая женщина сосредоточивала в себе самые редкие достоинства. Ея невинность выше всяких подозрений, и к классу куртизанок ее относят только вследствие ее оригинальности. С Гнафеной и Лаисой она не имеет ничего общего. Она – поэт, философ, оратор, государственный человек. Из Милета в Афины она пришла со специальною целью преподавать искусство мыслить и красноречиво говорить. Аспазия была для Перикла не столько любовницей, сколько наставницей. Она преподавала ему политику и ораторское искусство так же, как она Сократа учила диалектике. Не будь несравненной Аспазии, Сократ не умел бы размышлять, а Перикл не был бы в состоянии говорить и управлять государством. Прекрасная мрачная речь, сказанная Периклом во второй год Пелопонезской войны, была сочинена Аспазией. С высокими достоинствами человека Аспазия совмещает все добродетели женщины. Она

умна, расчетлива, деятельна, послушна. Она обучает жену Ксенофонта обязанностям супруги, она объясняет жене Искомакоса, каким образом следует вести хозяйство, для каждой посетительницы у нее есть хороший совет и урок нравственности, она служит образцом для афинских матрон.

Очевидно, приверженцы обоих воззрений на Аспазию хватают через край. Но есть доля правды и в едкой критике Комаков, и в панегириках ее защитников. Аспазию можно поместить в разряд женщин-философов, но по этой причине она нисколько не исключается из среды куртизанок.

III

Милет, где родилась Аспазия, отцом которой был некий Аксиокос, был один из цветущих прибрежных ионийских городов. Слава его была основана на прошлых военных успехах; промышленность и торговля составляли его богатство; а богатство имело следствием распушенность нравов Милета. Будучи отечеством Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, город этот также был знаменит своим обилием куртизанок, как и философов. Милет был для Ионии в одно и то же время и Коринфом, и Афинами; он был лучшей школой для Аспазии, гетеры-философа. В Милете Аспазия вела жизнь куртизанки благоразумного поведения и по виду неприступной. На Аспазию действовал пример Фаргелии, у которой было четырнадцать любовников, градоначальников, и умершей женой тирана в Фессалии; поэтому Аспазия дарила своими ласками только первых граждан.

Но по каким причинам и при каких обстоятельствах Аспазия пришла в Афины? В каком году и скольких лет от роду прибыла она туда? Чтобы ответить на эти вопросы не достаёт документов, и критика не может помышлять ответить на них. Можно только утверждать, что Аспазия поселилась в Афинах раньше LXXXV олимпиады (440—437 до Рожд. Христова), в каковую эпоху уже началась ее связь с Периклом. Следуя Плутарху, читавшему сократики и, быть может, придававшего чересчур большое значение их уверениям, Перикл был обольщен знаниями и умом Аспазии. Не сомневаясь в интеллектуальных достоинствах этой знаменитой женщины, все же можно думать, что Перикл был не менее пленен и ее красотой, и любезностью. Афинянин сначала взял Аспазию себе в любовницы, затем, разведясь со своей женою по взаимному согласию, он ввел Аспазию к себе в дом и открыто жил с нею.

Следует ли верить современным защитникам Аспазии, что Перикл женился на милетской гетере? Факт этот, по меньшей мере, невероятен. В Афинах всякий гражданин имел полную свободу жить с любой куртизанкою, какова бы она не была. Но закон воспрещал ему формально жениться на иностранке. Он мог сделать это только на основании ложного свидетельства, так как перед религиозной церемонией он должен был выполнить формальность предписанную законом (εγγύη). Если позже было признано, что показание на суде, записанное публичным актуариусом, было ложно, оба супруга рассматривались как соучастники и рисковали быть привлеченными перед дикастерион. Закон полагал строгие кары: жена продавалась в рабство, муж платил большой штраф и терял гражданские права; дети объявлялись незаконно-рожденными и лишались названия афинян. Немало людей темного происхождения с успехом пользовалось ложными свидетельствами и обманывало правительственных актуариусов относительно национальности своей невесты, и если они не вмешивались в политическую борьбу, то им впоследствии нечего было особенно бояться справок. Но это было невозможно для таких известных людей, как Перикл и Аспазия. Если даже Перикл и имел бы твердость решиться дать ложное показание, то он не захотел бы сделать этого. Как глава партии, он постоянно мог ожидать нападений и всевозможных махинаций со стороны своих политических врагов. В этом городе, где не было публичного заступничества, всякий гражданин мог затеять с другим

судебное дело, поэтому ясно, какое сильное оружие против себя дал бы Перикл в руки своим противникам этим запрещенным браком!

Если Аспазия не была удостоена чести соединиться с Периклом браком, то, в вознаграждение за это, она пользовалась такою свободой, какую не пользовалась ни одна афинянка.

Не подлежит сомнению, что предположение, имеющее до сих пор приверженцев, будто в Афинах женщина терпела унижительное рабство, совершенно неосновательно. У себя дома она была полною хозяйкою. Муж считал бы смешным вмешиваться в подробности хозяйства. Ксенофонт в своем сочинении "Экономия" говорит, что дело мужа зарабатывать деньги, а дело жены тратить их. Далее он сравнивает жену с пчарицею пчел: "она остается в улье и посылает пчел на работу. Она принимает то, что пчелы приносят ей, и сохраняет провизию до того времени, когда она понадобится. Она руководит постройкою ячеек, она заботится и том, чтобы был накормлен новый рой". Женщина управляет домом: она распределяет уроки служанкам, раздает приказания рабыням, заботится о кухне, подвалах и булочной, она посылает за провизией, затем выдает ее и приводит в порядок. У нее сохраняется ключ от комнаты, где хранятся все драгоценности, вазы и металлические чаши, дорогие праздничные одежды, золотые вещи, драгоценные камни и деньги. Обычай запрещает ей самой кормить детей, но она нянчится с ними, играет и целует постоянно. Затем она руководит первым воспитанием мальчиков и полным воспитанием дочерей. Кроме того, афинянка занимается своим туалетом, требующим много времени по своей сложности: она несколько раз в день купается, душится благовонными косметиками, смачивает волосы в эссенции, пудрит их золотою пудрою, белит и румянит щеки и губы, подводит брови и ресницы. Время, остающееся у нее от занятия хозяйством, туалетом, от попечения о детях, птицах, собаках, она проводит в прогулках, поездках и визитах к подругам.

Во время религиозных праздников, столь частых в Аттике, афинянки пользуются многочисленными и разнообразными развлечениями. То они слушают в театре Вакха трагедии Эсхила или Софокла, то они в роскошных нарядах поднимаются в богатых кортежах на Парфенон по Пропилейскому подъему. Во время празднеств в честь Вакха они отправляются переодетые, верхом на ослах в леса и долины окрестностей Афин. Во время Стенисов они на улицах и площадях предаются шуткам и комическому злословию. Во время Фесмосфорий, они исполняют в течении двух дней религиозные обряды таинственного храма Деметры, куда вход мужчинам воспрещен. Во время Фаргелий, Адониса, и Элевзиса имеются другие церемонии и зрелища: процессии, соревнование певцов, народные игры, ристание с факелами, туманные картины.

Итак женщины не были ни рабынями, ни затворницами; они только жили вне общества мужчин. Кроме мужа и самых близких родственников, никто не переступал порога женского терема. Женщины давали пиры в своем кругу; когда же муж принимал и угощал своих друзей, то жена уходила на свою половину. Один факт, что женщина присутствовала на пиршестве мужчин, навсегда испортил бы ее репутацию. Для того, чтобы доказать присяжным, что Нэра – куртизанка, Демосфен говорит только: "Она ужинала и пила вместе со Стефаносом (ее мужем) и его друзьями, как настоящая куртизанка". Таким образом, светские отношения, обеды и собрания, где встречаются мыслители с любезными женщинами, представляющие одну из привлекательных сторон нынешней жизни, в Афинах не существовали. Афиняне вознаграждали себя в этом отношении с куртизанками, которых нисколько не стесняли обычаи.

Мужчины довольствовались их красотою и веселостью, и законы до них, так сказать, не касались, так как они, как иностранки, были вне закона. Гетера могла жить и поступать, как ей было угодно, если только она платила налог – метайхион, как иностранка, и налог – парнихон, как куртизанка; если она не оскорбляла порядков столицы, не противодействовала полицейским уставам, если она не учиняла скандалов в храмах и не присоединялась к толпе женщин

и девушек во время народных церемоний. Она могла идти, куда ей вздумается, выходила из дома, когда ей нравилось, могла обогащаться, как умела, и, если хотела, могла разоряться.

Начиная от гетер, владевших домами, рабами, драгоценностями, жертвовавших деньгами на банки и фабрики и распоряжавшихся целой свитой поклонников, и кончая ничтожною рабыней, принадлежащей к касте диктериад, всех куртизанок обязательно приглашали на пиршества, где они веселили гостей своими беседами и песнями. Многие из них отличались веселым остроумием и живым нравом. Если бы кто-нибудь пожелал составить сборник древнегреческих эпиграмм, то ему пришлось бы столько же взять от Гликерии и Каллистионы, как от Диогена и Аркезила, от куртизанок столько же, как и от философов. Но ум всех куртизанок был односторонен. С ними чаще всего случалось, что веселый разговор становился наглым. У этих женщин не только недоставало сдержанности, у них не было и умения хранить тайны. В таком обществе было опасно говорить о политике и не было никакой возможности долго вести серьезные разговоры. Это было хорошо для молодых людей, а также для Сократа, умевшего везде приспособиться; но такие деятели, как Перикл, Анаксагор, Дамон, Фидиас, не могли находить продолжительного удовольствия в обществе этих болтливых флейтисток. Аспазия находилась в условиях совершенно исключительных: толпа афинян признавала ее любовницей Перикла, друзья же великого оратора уважали ее даже, как законную жену его. Она в одно и то же время пользовалась свободой куртизанки и почетом супруги. Она могла принимать приближенных Перикла, что признавалось для афинянки преступлением; они находили в Аспазии собеседницу, способную их выслушать и отвечать им, что не было делом куртизанки. Таким-то образом объясняют совершенно своеобразную роль Аспазии в Афинах, ее значение у философов и сильную, нежную любовь, которую она внушила Периклу. Первая и единственная, быть может, из афинских женщин, она поддерживала любезное и благородное обращение с выдающимися деятелями. Сократ, Анаксагор и Фидий считали ее интеллигентным и искренним другом. Для Перикла она была любовницей и женою, усладой жизни, очарованием домашнего очага; он советовался с нею каждый день, как с верным другом; слова её согревали, любовь утешала и нежность успокаивала.

IV

Нельзя управлять республикой более двадцати лет без того, чтобы не стать мишенью всевозможных наговоров и не терпеть всяких обид, оскорблений. Ораторы Собрания оспаривали государственные распоряжения Перикла, а на частную жизнь его нападали зачинщики агоры и комические поэты, эти журналисты и памфлетисты того времени. Его связь с Аспазией была неистощимой темой оскорбительных шуток и насмешек. Аспазию называли Герой нового Олимпийца, Омфалой и Деянирой нового Геркулеса. Аспазию обвиняли в том, что она из дома Перикла, царя сатиров, как называл его Гермиппа, устроила настоящий диктерион, наполненный куртизанками всех сортов и даже замужними афинянками, которые своими любезностями, одолжениями старались обеспечить политическую карьеру своих мужей. Судя по народной молве, жена Мениппоса выхлопотала для своего мужа таким образом пост полководца. Аспазия была злым гением Перикла, она внушала ему неосторожную политику и произвол власти. Ему приписывали расхищение казны союзников, а также значительные расходы, которыми Перикл обременял бюджет столицы для того, чтобы давать работу своим друзьям, как, например, Фидию, наконец, его непотизм и внимание к своим приближенным, Пирилампусу, Хариносу и Мениппосу (последний, вопреки принципам афинской демократии, занимал пять или шесть должностей). Утверждали, что Перикл подчиняется всем желаниям Аспазии, что он готов пожертвовать для нее славой и благоденствием Афин; намекали на то, что, благодаря ее наущениям, он мечтал о тирании.

В 440 году между самосцами и милетцами возникла распря по поводу небольшого приморского азиатского города, Приэны, на который имели притязание самосцы. Воспоследовала короткая война, и милетцы были разбиты. Самос и Милет оба признали гегемонию Афин. Милетцы подали свои жалобы в Афины, где решили, ничего не предвидя, чтобы оба города послали своих послов для того, чтобы спор был разобран на собрании в Пниксе; самосцы не хотели подчиниться этому и, утверждая, что в посредничестве Афин имело место злоупотребление властью, объявили себе независимыми.

Афиняне не могли спокойно перенести этого отпадения, в котором не без основания усматривали интриги Персии. Под влиянием Перикла или другого оратора его партии, сейчас же было снаряжено большое войско, предводительство над которым принял на себя сам Перикл. Говорят – хотя это совсем не доказано – будто Аспазия сопровождала его в этом походе, вместе с целым кортежем куртизанок, извлекая из того не мало выгоды, так как осада длилась девять месяцев. После упорной защиты и кровопролитных схваток, Самос сдался на капитуляцию. Самосцы должны были уничтожить, срыть свои укрепления, выдать свой военный флот и заплатить контрибуции тысячу талантов (около шести миллионов франков).

Поход против Самоса был необходим и справедлив. Афины, извлекавшие значительные доходы от городов, подписавших договор Аристида, должны были держать своих данников в повиновении. Если бы восстание Самоса осталось безнаказанным, то произошло бы возмущение других городов. Эта война упрочила славу и могущество Афин, притом она ничего не стоила казне, вследствие громадной контрибуции, заплаченной самосцами. Но не мало граждан пало под стенами Самоса, и не скоро иссякли слезы несчастных матерей. В народе говорили, что этой войны не было бы, если Перикл не послушался внушений Аспазии и не настоял на ней. Так как Аспазия происходила из Милета, то ходил слух, будто Перикл действовал, только следуя советам своей любовницы, хлопотавшей при этом в интересах своего родного города и в то же время желавшей дать знать о своем могуществе в Афинах. Прошло несколько лет, и наступил день, когда оскорбления комической сцены, клеветы Агоры и запальчивые требования трибуны уже казались недостаточными для врагов Перикла. Они задумали начать против него процесс, нападая на его государственную деятельность. Но великий государственный человек пользовался еще большою популярностью! Вследствие неявики Перикла на суд, недобольные вздумали чернить его лучших друзей. Для зачинщиков оппозиции это было удобным способом испытать свои силы и в то же время лишить уважения Перикла; это был первый толчок, данный его репутации в глазах народа. Начали с того, что предали ostracismu старого Дамона, бывшего учителя Перикла, остававшегося другом последнего. Говорили, что под видом уроков музыки он преподавал политику. Слышали, будто он неоднократно высказывал мнение, что лучший образ правления есть тирания в руках просвещенного человека. Дамон был предан изгнанию. Вскоре после того (в последних месяцах 433 и в первых 432 года) противники Перикла, ободренные этим первым успехом, условились, чтобы в то же время Фидий, Анаксагор и Аспазия были привлечены перед судом гелиастов. Фидиаса обвинили в расхищении. Подкупленный несколькими врагами Перикла, один из учеников знаменитого скульптора предстал челобитчиком пред престолом Агоры. Этот человек, по имени Менон, просил обеспечить его относительно последствий процесса, который он затеял против Фидия.

Когда, наконец, народ выдал Менону желаемую льготу, то злодей обвинил своего учителя в том, будто он похитил часть золота, выданного ему казначеями богини для того, чтобы употребить его для статуи афинской хризелефантины. Фидиасу было, однако, не трудно оправдаться перед дикастерием, так как одежды богини были им сделаны таким образом, что можно было снять все золото, не разрушая самой мраморной статуи, и взвесить его. Эта мысль была подана скульптору Периклом, который не доверял, вероятно, подозрительному характеру афинян; а быть может, он желал также, чтобы эта масса золота (сорок талантов золота, более двух миллионов франков) могла в затруднительном случае послужить на расходы войны.

Фидий был оправдан. Но нетерпеливые враги начали против него новый процесс по поводу двух других обвинений. Он сделал свой портрет на ограде Афин: это признали святотатством. Он принимал Перикла в своей мастерской в то время, когда там находились женщины, натурщицы и посетительницы: это признали. Во время разбирательства этого второго процесса, Фидий, больной и убитый горем, скончался в тюрьме.

Анаксагор был предан суду за беззаконие (γρᾱφή ἀσεβείας). До этой эпохи трибуналы, казалось, имели дело с обыкновенным святотатством, как то: публичное оскорбление богов, профанация храмов и божественных картин, скандалы во время празднеств, осквернение святынь, глумление над обрядами (религиозными).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.